

УДК 1.78 (09)

А.Н. КОМИСАРЕНКО

ФИЛОСОФИЯ МУЗЫКИ В МЕТАФИЗИКЕ И. КАНТА

Комисаренко Андрей Николаевич – Криворожский институт им. П. Калнышевского, Межрегиональная академия управления персоналом, кандидат философских наук, доцент кафедры психологии и гуманитарных дисциплин

Данное исследование касается анализа феномена музыки в метафизике И. Канта. В статье изложены историко-философские особенности и этико-эстетические моменты понимания сущности музыкального искусства и проблемы музыкального эстетического вкуса в работах И. Канта. Проанализирована функциональная сторона субъективного переживания музыкального образа, как источник становления и развития музыкального стиля мышления.

Ключевые слова: метафизика, музыка, феномен музыки, бытие музыки, философия музыки.

Дане дослідження стосується аналізу феномена музики в метафізиці І. Канта. У статті викладено історико-філософські особливості та етико-естетичні моменти розуміння сутності музичного мистецтва і проблеми музичного естетичного смаку в роботах І. Канта. Проаналізовано функціональну сторону суб'єктивного переживання музичного образу, як джерело становлення і розвитку музичного стилю мислення.

Ключові слова: метафізика, музика, феномен музики, буття музики, філософія музики.

The given research concerns the analysis of a phenomenon of music in I. Kant's metaphysics. In article are stated historic, philosophical features, the ethical and aesthetic moments of understanding of essence of musical art and a problem of musical aesthetic taste in I. Kant's works. The functional side of subjective experience of a musical image is analyzed, as a source of becoming and development of musical style of thinking.

Key words: metaphysics, music, phenomenon of music, music being, philosophy of music.

© А.Н. Комисаренко, 2012

Данная работа касается исследования проблемы феномена музыки в метафизическом учении философии Иммануила Канта. В работе представлен глубокий анализ основных положений этики И.Канта и изложена его эстетичная концепция в русле проблемы музыкального феномена.

Актуальность данного исследования имеет научно-философское значение: описание и анализ феномена музыки в контексте философии И. Канта не только как отдельного вида искусства, но и как воплощение эстетического образа духовного идеала. Действие музыкального искусства на духовный мир человека в Кантовской философии занимает одно из центральных мест и есть малоисследуемой этико-эстетической проблемой.

Объектом исследования выступает феномен музыкального искусства, как специфическая форма логико-образного мышления, которая в продуктах своей творческой деятельности воплощает этико-эстетические идеалы. Предметом исследования является эстетический вкус в музыке, как одна из важнейших категорий кантовской философии.

Такие исследователи, как В.Ф.Асмус [1], М.Ф.Овсянников [6], Т.В.Чердниченко [9] и Ю.Б.Бореев [2] чаще рассматривают и анализируют этико-эстетическое учение И.Канта со стороны гносеологических разработок философа, концентрируя внимание на общих принципах его методологии. С. А. Маркус в своей «Истории музыкальной эстетики» [4] делает попытку проанализировать чистую кантовскую музыкальную эстетику, но его исследование базируется лишь на идеологической критике идеализма и формализма.

В традиционных трактовках зарубежных авторов, с одной стороны – акцентируется внимание только на интересах И. Канта не к самому искусству, а на его социальных функциях (О. Шпенглер [10] и Samuel J. Kerstein [11]), с другой стороны – чаще исследуются историко-философские аспекты кантовской трансцендентальной диалектики (Philip M. Soergel) [12]. При этом вопрос феномена музыки отдельно в метафизическом учении И. Канта глубоко почти не рассматривался.

Данное исследование имеет целью решение следующих основных философских заданий: 1) место и значение философии музыки в метафизике И. Канта; 2) роль и функции эстетического вкуса в кантовской метафизике музыки; 3) категории эстетического вкуса, как первичные основы сущности феномена музыки; 4) парадокс и противоречие в кантовской философии музыки.

Сразу подчеркнем, что философия музыки непосредственно не представлена в метафизике И.Канта. Можно лишь говорить о сложной форме связи философской и эстетической систем кантовского понимания музыки. Музыкальные воззрения И. Канта, бесспорно, связаны с просветительским учением об аффектах. Музыка оценивается И. Кантом как «язык аффектов», т. е. как имеющая значение коммуникация, специфику которой можно вскрыть, только уподобив ее речи. Он исходит из аналогии, что «данный звук в большей или меньшей степени обозначает аффект говорящих и ответно вызывается у слушателей» [3, с. 316, 563], «что модуляция (у И. Канта – изменение высоты тона и его окраски. – А.К.) есть как бы всеобщий и всем людям понятный язык ощущений»

[3, с.343, 563]. Музыка есть выражение аффектов и может в какой-то степени напоминать человеческую речь по характеру модуляции [3, с. 343]. Но этим вряд ли И. Кант считался бы оригинальным в философии музыки. И. Кант идет дальше принципов интонационной просветительской теории Ж.Ж.Руссо [7]. И. Кант расширяет круг этих идей. Следствием концепции «языка аффектов» для него оказывается не согласие с «эстетическим словарем», но обоснование идеи о ведущих аффектах. Понимание музыки И. Кантом сопряжено с его общими эстетическими идеями и принципами, что и нашло свое выражение в «Критике способности суждения». Главная идея, которая пронизывает все содержание «Критики способности суждения», это стремление И. Канта найти диалектическое решение, которое помогло бы понять относительную независимость или автономность эстетического по отношению к понятийно-научному познанию и нравственно-практической деятельности. Это стремление ярко выражено уже в первых параграфах сочинения при анализе прекрасного. В «Критике способности суждения» И. Кант, прежде всего, ставит перед собой задачу определить прекрасное в отличие приятного и доброго. В первых параграфах «Критики способности суждения» мы находим следующие определения: «Приятное это то, что нравится внешним чувствам в ощущении» [3, с. 205, 563]. Добро И. Кант определяет как то, «что нравится посредством разума через понятие... удовольствие в добром соединяется с интересом» [3, с. 207, 563].

И.Кант в своем стремлении отделить эстетическое от понятийно-научного и нравственно-практического ищет ту субъективно-объективную основу, которая бы позволила не только указать на специфику удовольствия и интереса в эстетическом, но и связать с научным познанием и практической деятельностью. И такой основой по И. Канту выступает вкус. Почему вкус? Потому что без вкуса не существует искусства. Это очевидно. Связан ли вкус с научным познанием и практической деятельностью требует специального анализа.

И.Кант рассматривает особенности проблемы вкуса с четырех точек зрения, соответственно принятой им классификации априорных категорий рассудка – качества, количества, отношения и модальности. Под вкусом И. Кант понимает «способность судить о прекрасном» [3, с. 205, 563 с.].

1. Первый момент суждения вкуса – по качеству. И. Кант дает такое развернутое определение: «Вкус есть способность суждения о предмете или о способе представления через удовольствие или неудовольствие без всякого интереса. Предмет такого удовольствия называется прекрасным» [3, с. 212, 563]. Что означает этот постулат «незаинтересованности» эстетического суждения? Его иногда понимали как требование полного равнодушия к выбору предмета изображения в искусстве. Но такое понимание, по-видимому, ошибочно и все дело заключается, как понимать равнодушие, или беспристрастность? Полностью освободиться от пристрастности нельзя. И. Кант считал специфическим для вкуса

равнодушие не к тому, каков предмет, а равнодушие к вопросу: существует ли в реальности предмет, изображенный в произведении искусства? Это тоже достаточно сильное требование. В музыке проблема существования или несуществования является очень сложной. Достаточно поставить вопрос: что означает существование музыкального образа? Например, мы рассматриваем вопрос о существовании «марша Черномора» из оперы М.И.Глинки «Руслан и Людмила». Если следовать логике рассуждения И. Канта, то важна способность изображения – и в случае, если предмет (герой) существует, и в случае, если он не существует, – доставлять чувство удовольствия.

Следует иметь в виду, что И.Кант разделяет суждение вкуса и суждение познания. По И.Канту суждение вкуса «не есть познавательное суждение, следовательно, оно не логическое, а эстетическое» [3, с. 203, 563]. И. Кант не отвечает на вопрос: познается ли вкус? И. Кант рассматривает процессуальный аспект вкуса: «Мы относим представления не к объекту через рассудок для познания, но через воображение (может быть в соединении с рассудком) к субъекту и к его чувству удовольствия или неудовольствия» [3, с.203].

Важным для понимания всего смысла «первого момента суждения вкуса» является и то, как И.Кант определяет понятие интереса. «Интересом, – говорит И. Кант, – мы называем удовольствие, которое мы соединяем с представлением о существовании предмета... Но если ставится вопрос, прекрасно что-либо, то здесь хотят знать не то, имеет ли для нас и для кого-либо какое-либо значение существование вещи, или может ли оно иметь такое значение: здесь дело только в том, как мы судим о ней в простом ее рассматривании (созерцании или рефлексии)» [3, с. 204, 563]. Суждение вкуса, по И. Канту, «совершенно равнодушно по отношению к существованию предмета этого представления» [3, с. 205, 563].

Интересным является то, что И.Кант связывает понятие «вкус» с понятием «прекрасное» и не связывает их с понятиями «приятное» и «доброе». Другими словами, И. Кант утверждает чисто созерцательный характер вкуса. Существенное значение имеет также то обстоятельство, что положение об отсутствии интереса в эстетическом суждении И. Кант хотел противопоставить пристрастности. В § 2 «Критики способности суждения» И.Кант писал: «Каждый должен согласиться, что суждение о красоте, к которому примешивается малейший интерес, очень пристрастно и не есть чистое суждение вкуса» [3, с. 205, 563]. И. Кант считал пристрастность эстетического суждения обыденным фактом, но стремился противопоставить ему такое определение вкуса, которое не сопряжено с интересом. Учитывая сказанное выше, можно определить как способность судить о прекрасном без интереса.

2. Второй момент суждения вкуса – по количеству. И. Кант определяет прекрасное так: «Прекрасное есть то, что без понятия представляется как объект общего удовольствия» [3, с. 222, 563]. «Прекрасно то, что нравится без поня-

тия» [3, с. 212, 563]. Тезис И. Канта очень важен в историко-философском плане. Если вспомнить, что в «Гиппии Большем» Платон, устами Сократа, категорию «прекрасное» пытается поставить в соответственный ряд понятий, то И. Кант отказывается от этой традиции. Но И. Кант и не на стороне Гиппия Большого. И. Кант констатирует существование пропасти между чувственным и логическим, он не в состоянии разрешить это противоречие. Эстетическое суждение, – говорит Кант, – «имеет сходство с логическим в том, что можно предполагать его значимость для каждого. Но из понятий эта всеобщность не может возникать. Ибо от понятий нет никакого перехода к чувству удовольствия или неудовольствия...» [3, с. 213, 563]. Указывая на разрыв между прекрасным и логическим, И. Кант, с другой стороны, пытается отделить его и от приятного, по отношению к которому имеет «полное значение то основоположение, что каждый имеет свой собственный вкус (внешних чувств)» [3, с. 213-214, 563].

По отношению к прекрасному И. Кант такой чисто субъективистский подход считает «смешным». Он возражает против аргументации, что здание, стихотворение или музыкальное произведение (концерт) и т.д. прекрасно, если оно нравится только мне. Никто «не должен называть чего-либо прекрасным, если это нравится только ему» [3, с. 214, 563].

И. Кант видит особенность противоречия второго момента суждения вкуса в том, что ему «притязание на значимость для каждого, но без всеобщности, основанной на объекте, то есть с ним должно быть соединяемо притязание на субъективную всеобщность» [3, с. 216, 563]. Он пытается дать разрешение этого противоречия: «Если же основа определения суждения об этой всеобщей сообщаемости представления должна мыслиться только субъективно, а именно – без понятия о предмете, то она не может быть не чем иным, как только душевным состоянием, которое дается во взаимном отношении способностей представления друг к другу, поскольку они данное представление относят к познанию вообще» [3, с. 219, 563].

В итоге «ключ к критике вкуса» И. Кант находит в том, что «познавательные силы, которые возбуждаются через это представление, находятся здесь в состоянии свободной игры... Субъективная всеобщая сообщаемость способа представления в суждении вкуса... не может быть не чем иным, как только душевным состоянием в свободной игре воображения и рассудка (поскольку они отвечают друг другу, как это нужно для познания вообще)...» [3, с. 220, 563]. Такое понимание прекрасного противоречиво. Следует учитывать два момента. Первый момент: удовольствие от приятного – тот вид субъективного, который исключает всякую возможность спора или убеждения. Если под вкусом понимать оценку предмета как вызывающего приятное ощущение, то относительно вкуса остается верной старинная латинская поговорка: «О вкусах спорить не следует».

Второй момент: под вкусом следует понимать

эстетическую оценку предмета, т.е. оценку его как прекрасного. В этом случае спор не бессмыслица. Он основывается на претензии суждения вкуса – иметь значение для всех, т. е. на претензии всеобщности. Таким образом, в субъективности эстетической оценки кроется предпосылка сверхсубъективного, сверхличного эстетического значения. В ней есть то, что возвышает ее над ней самой.

Идея И. Канта о всеобщей сообщаемости суждения вкуса противоречит первому моменту и возвращает И. Канта в границы субъективистского понимания эстетического суждения. Последнее основывается у И. Канта на непосредственно испытываемом чувстве удовольствия, не определяемом никаким понятием. Вместе с понятием из поля эстетического суждения уходят и предпосылки объективной всеобщности. Единственно допустимым для эстетической оценки видом всеобщности оказывается лишь субъективное притязание на всеобщность: именно оно составляет молчаливо предполагаемую предпосылку суждения вкуса. Таким образом, противоречие, между чувственным и логическим, разрешается мнимо: И. Кант переводит всю проблему в область чистой формы.

3. Третий момент суждения вкуса – по отношению к цели. И. Кант затрагивает важный вопрос о целесообразности произведений искусства и дает следующее определение: «Красота есть форма целесообразности предмета, поскольку она воспринимается в нем без представления цели» [3, с. 240, 563]. И. Кант утверждает, что если речь идет о простом наблюдении, то мы будто бы можем наблюдать целесообразность по форме, не полагая для нее в качестве ее основы никакой действительной цели. Существует целесообразность без цели, чистая форма целесообразности. Мы можем замечать такую целесообразность в предметах, но, добавляет И. Кант, только посредством рефлексии. Можем ли мы замечать целесообразность а) в отношении музыки вообще и б) отдельных музыкальных произведений? Относительно пункта «а») И. Кант пишет: «Ясно, что прекрасное суждение, о котором имеет в своей основе только формальную целесообразность, то есть целесообразность без цели, совершенно не зависит от представления о добром, ибо последнее предполагает объективную целесообразность, то есть отношение предмета к определенной цели» [3, с. 223, 563]. Относительно пункта «б») следует, по-видимому, иметь в виду следующее. Музыка это игра ощущений, протекающая во времени. И. Кант различает красоту свободную и обусловленную. Красоту, доставляющую удовольствие в чистом суждении вкуса, И. Кант называет свободной красотой, предполагающую понятие, – обусловленной. Пример свободной красоты – цветы, инструментальная музыка без текста. Пример обусловленной красоты – красота животных, красота речитатива, оперы, зданий. Свободная красота не зависит ни от какого понятия о совершенстве. Понятие о совершенстве всегда предполагает не только «форму», но и «материю». Невозможно мыслить только форму совершенства без всякого понятия о том, чему она должна бы соответствовать.

Разумеется, целесообразность может мыслиться и как одна лишь форма целесообразности. Такая целесообразность есть только субъективная целесообразность. И. Кантом исключается всякое понятие о содержании совершенства или его материи. Мыслится только его форма. От вопроса о том, чем должна быть вещь, здесь отвлекаются, и остается только субъективная целесообразность в уме созерцающего [3, с. 229-231, 563]. И. Кант непосредственно делает выводы, касающиеся правил вкуса. Возможны ли такие правила вообще? Возможно ли объективное правило, которое определяло бы посредством понятия, что прекрасно и что безобразно? Многочисленные примеры доказывают происхождение вкуса от общей для всех людей основы их согласия в оценке форм. Какой здесь может быть критерий общего согласия? По-видимому, чувственный: к примеру, песня «Катюша» может одинаково нравиться и немцам, и испанцам, и японцам и т.д. Однако, по И. Канту, основа эта глубоко скрыта от всех людей и потому критерий происхождения вкуса может быть только эмпирическим. Критерий этот – всеобщая сообщаемость ощущения, не опирающаяся на понятие. Но критерия этого недостаточно, чтобы из него можно было вывести искомые правила. На основании этого И. Кант делает вывод о том, что вкус всегда есть личная способность [3, с. 238-240, 563]. Можно указать на другой образец (например, на «Лунную сонату») и обнаружить умение, подражая указанному образцу, но проявить подлинный вкус способен только тот, кто может самостоятельно судить об этом образце. И в этом пункте И. Кант приходит к идеи.

Высшим образцом, по которому можно судить о музыкальном произведении, есть идея, которую каждый должен сотворить, сконструировать сам для себя. Такая идея – не логическое понятие рассудка, а понятие разума (И. Кант верен самому себе, различая рассудок и разум). Указание на идею в искусстве, и в частности в музыке, играет важную роль для понимания идеала. Идеал немислим для прекрасной сонаты или песни, хотя они могут быть созданы с определенной целью.

По И. Канту идеалом красоты может быть только то, что имеет цель своего существования в самом себе [3, с. 236-237, 563]. Только человек имеет цель своего существования в самом себе. Только человек может определить свои цели через разум. Поэтому он и есть идеал красоты. Помимо идеала красоты И. Кант вводит идею нормы прекрасного: «От идеи нормы прекрасного все же надо отличать еще идеал его, которого по уже указанным выше причинам можно ожидать только от человеческой фигуры. А в отношении ее идеал состоит в выражении нравственного, без которого предмет не мог бы нравиться всем, и притом в положительном смысле (а не только негативно – в соответствующем школьным правилам изображении). Видимое выражение нравственных идей, которые внутренне властвуют над человеком, может, правда, быть взято только из опыта, но для того, чтобы их связь со всем тем, что наш разум сочетает с нравственно добрым в идее высшей целесообразности, – душевную доб-

роту или чистоту, или твердость, или спокойствие и т. д. – сделать как бы видимой в телесном выражении (как действию внутреннего), необходимо соединение чистых идей разума с великой силой воображения у того, кто хочет лишь судить о них, и тем более у того, кто хочет их изображать. Правильность такого идеала красоты доказывается тем, что он не позволяет примешивать к удовольствию от своего объекта чувственное возбуждение и, тем не менее, дает возможность питать к нему большой интерес; а это в свою очередь доказывает, что суждения на основе такого мерила никогда не могут быть чисто эстетическими и что суждения, исходящие из идеала красоты, не могут быть просто суждениями вкуса» [3, с. 240, 563].

4. Четвертый момент суждения вкуса – по модальности удовольствия предметом. В этом последнем моменте суждения вкуса И. Кант утверждает: «Прекрасно то, что без понятия познается как предмет необходимого удовольствия» [3, с. 245, 563]. Здесь И. Кант возвращается к затронутому уже раньше вопросу: в чем сущность объективной необходимости суждения вкуса. Ответ И. Канта таков: в основе суждения вкуса лежит «общее чувство», которое, однако, «не основано на опыте» и есть только «идеальная норма» [3, с. 242, 563].

Итак, все четыре кантовских момента суждения вкуса являются основой для понимания музыки. И. Кант в некотором смысле маргинальный философ, он «преживает» на границе. По одну сторону – трансцендентность и трансцендентализм, космизм и объективизм, пропитанный стремлением постичь и выразить бытие вселенского универсума, по другую – субъективизм, разрывающийся между желаемым и действительным, пребывающий наедине с собой.

Учение И. Канта о вкусе, с одной стороны, связано с проблемой прекрасного, с другой – проблемой удовольствия. В основе музыкального (эстетического) удовольствия лежит, по И. Канту, игра воображения и рассудка. Воображение здесь особого рода и характеризуется свободной закономерностью. Этим оно отличается от обычного репродуктивного воображения, которое только воспроизводит данные формы предмета. Напротив, «продуктивное» и «самодетальное» воображение, действующее при возникновении эстетического удовольствия, есть источник произвольных форм всевозможных созерцаний. Суждение вкуса вполне совместимо со свободной закономерностью рассудка. Здесь возможно, при всей парадоксальности, субъективное соответствие воображения с рассудком без объективного соответствия, закономерность без закона, целесообразность без цели.

Таким образом, кантовская философия музыки достаточно противоречива. У И. Канта на первом плане оказывается стремление превратить отдельное от морального блага прекрасное в буквальном смысле в «чистое», т. е. освободить музыку от всякого морального, мыслительного содержания. Отсюда – принципиальное различие между свободным и зависимым прекрасным.

Выводы по данному исследованию сводятся к следующему: 1) В кантовской метафизике можно

проследить связь философской и эстетической систем понимания сущности музыки. Музыкальные воззрения И. Канта, основываются на просветительском учении об афектах. Музыка оценивается И. Кантом, как определенный вид коммуникации, специфику которой можно вскрыть, только уподобив ее речи. 2) Роль и функции эстетического вкуса (способность судить о прекрасном) в кантовской метафизике позволяют не только указать на специфику удовольствия и интереса в эстетическом, но и связать это удовольствием с научным позна-

нием и практической деятельностью, ибо без вкуса не существует искусства. 3) И. Кант рассматривает особенности вкуса согласно с классификацией априорных категорий рассудка – качества, количества, отношения и модальности. 4) Кантовская философия музыки противоречива из-за стремления превратить отделенное от морального блага прекрасное в «чистое», т. е. освободить музыку от всякого морального, мыслительного содержания. Это приводит к различию между свободным и зависимым прекрасным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Асмус В. Ф. Иммануил Кант / Валентин Фердинандович Асмус. – М. : Наука, 1973. – 534 с.
2. Боров Ю. Б. Эстетика / Юрий Борисович Боров. – М. : Политиздат, 1988. – 496 с.
3. Кант И. Сочинения в шести томах / Иммануил Кант ; [пер.] ; [под общ. ред. В. Ф. Асмуса, А. В. Гулыги, Т. И. Ойзермана]. – М. : Мысль, 1966. Т. 5. – 1966. – 562 с.
4. Маркус С. А. История музыкальной эстетики. (С середины XVII до начала XIX века) / Станислав Адольфович Маркус. – М. : Гос. муз. изд-во, 1959. – (Научное издание). Т. 1. – 1959. – 316 с.
5. Музыкальный энциклопедический словарь / [гл. ред.: Г. В. Келдыш]. – М. : Сов. энциклопедия, 1990. – 672с.
6. Овсянников М. Ф. История эстетической мысли : [учеб. пособие] / Михаил Федотович Овсянников ; [ред. Алексеева Н. П., Лазарева Ю. В.]. – М. : Высш. шк. 1984. – 336 с.
7. Руссо Ж.-Ж. Избранные сочинения (в 3-х томах) / Жан-Жак Руссо ; [пер. с франц.] ; [ред. Хуцишвили Н.]. — М.: Гос. изд-во худож. лит., 1961. Т. 1. – 1961. – 852 с.
8. Философия Канта и современность / [под общ. ред. Т. И. Ойзермана]. – М. : Мысль, 1974. – 470 с.
9. Чередниченко Т. В. Музыка в истории культуры : В 2-х томах / Татьяна Васильевна Чередниченко. – М.: Алегро-пресс, 1994. Т. 2. – 1994. – 320 с.
10. Шпенглер О. Закат Европы (Т. 1 и 2) / Освальд Шпенглер ; [пер.]. – М. : Мысль, 1993. Т. 1. Гештальт и действительность. – 1993. – 663 с.
11. Kerstein Samuel J. Kant's Search for the Supreme Principle of Morality / Samuel J. Kerstein. – Cambridge University Press, United Kingdom, 2002. – 223 p.
12. Soergel Philip M. Arts and Humanities Through The Eras: The age of the Baroque and Enlightenment (1600-1800) / Philip M. Soergel. – Farmington Hills (USA), «Thomson Gale», 2005. – 548 p.